

: " - " , -

著者(英)	Marina Mongush
journal or publication title	Senri Ethnological Reports
volume	92
page range	86-90
year	2010-05-25
URL	http://doi.org/10.15021/00001028

характера она была отложена на несколько месяцев. В ее состав должны были войти пять студентов-тувинцев, три-четыре русских экономиста и два немца. Реально же в Туву поехали семь человек: пять молодых тувинцев, Менхен-Хельфен и Шмюкель.

Менхен-Хельфен с некоторым сожалением констатирует, что за всю поездку с ним «не случилось ни одного приключения, достойного приличного путешественника», разбойники на него не нападали, песком его не заносило, страдать от голода не пришлось, а «вода всегда находилась в достаточном количестве». Вместе с тем он признает, что некоторые дискомфортные ситуации с ним все же случались. Например, он с трудом привыкал к верховой езде, которая поначалу была для него «сплошным мучением». Ему сложно было снимать тувинцев, потому что те бежали от его фотоаппарата словно от черта. А тувинская молочная водка – *арага*, которой его часто угощали, вовсе показалась ему отвратительной, по виду она больше напоминала «грязную воду», а по запаху – «раствор мыла в спирте».

О своей поездке из Кызыла в Шагонар Менхен-Хельфен пишет в особо ярких тонах: ехали туда на жалком автомобиле, который со всех сторон был продавлен; шины на нем были такие старые, что не менее пяти раз лопались в пути. Автомобиль был «до того нагружен ящиками, кожаными мешками, бетонами с бензином, что внутри с трудом можно было разместиться». Он был рассчитан всего на четыре пассажира, а Менхен-Хельфен был одиннадцатым, которому с трудом удалось протиснуться в него. На его коленях разместился Богданов, бурятский представитель Коминтерна. Корейский сосед всю дорогу давил на ребра бедного немца. Чувство дискомфорта усиливалось, когда Менхен-Хельфен то и дело ударялся головой об ящик с консервами. Вот так «подпрыгивая и скрепя, ехал адский автомобиль». Пассажиры стонали до тех пор, пока пыль не задушила их окончательно (Менхен-Хельфен 1931:75, 78, 81, 90-91).

1. «Люди-бомбы», взорвавшие все старое

Как уже отмечалось, в далекую Туву немецкого путешественника сопровождали пять тувинцев: Седип-оол Танов, Салчак Тока, Оюн Дагба, Оюн Чанчык-оол и единственная девушка, которую Менхен-Хельфен называет «маленькой и умненькой Камовой». Все они были студентами Коммунистического университета народов Востока (КУТВ), о котором следует сказать отдельно.

КУТВ открылся в 1921, в нем в течение трех лет давалось общее образование. Главными дисциплинами там были русский язык, история

рабочей партии и профсоюзного движения, экономика, администрирование и законодательство. Первые десять тувинских студентов прибыли на учебу в 1925 году. В 1927 году на базе КУТВа образовалась научно-исследовательская Ассоциация по изучению национальных и колониальных проблем. Под ее руководством и осуществлялась экспедиция, в состав которой вошел Менхен-Хельфен. Он пишет об этом учебном заведении как о «весьма своеобразном учреждении», где «фабрикуются люди-бомбы». Здесь «сотни юных восточников» - якуты, монголы, тувинцы, узбеки, корейцы, афганцы, персы - воспитывались в течение трех лет. После этого они возвращались на родину, чтобы «взорвать там все старое на воздух». «В три года шаманисты становятся атеистами, - пишет он, - поклонники Будды – поклонниками трактора. Вооруженные зубными щетками, мылом и скудным знанием русского языка, эти славные ребята, начиненные боевыми словами и лозунгами, настроенные столь же фанатично, как это требовалось от миссионеров, получают задачу продвинуть своих соотечественников в 21-е столетие» (Менхен-Хельфен 1931:32, 34).

В 1930 году КУТВ был реорганизован в Институт национальных меньшинств Средней Азии и Сибири. Этим учебным заведением было подготовлено более 200 дипломированных специалистов специально для Тувы (Аранчын 1982:165, 216; Ширшин 1972:70). С.Танов, С.Тока, О.Дагба, О.Чанчык-оол и Камова были одними из первых его выпускников. Впоследствии они все стали известными людьми в республике.

Седип-оол Танов (1901-1985) занимал несколько важных постов в Тувинской Народной Республике. Сначала он был председателем Правления Тувинского Центрального Кооператива (Тувинценкооп), который представлял в 1930 на XIII Конгрессе Международного Кооперативного Союза в Вене. В 1931-1935 годах Танов был послом Тувы в Москве, затем - министром культуры. В годы второй мировой войны работал управляющим Тувинского Банка Промышленности и Торговли; после войны возглавлял научно-исторический Архив и руководил Тувинским Республиканским краеведческим музеем.

Салчак Тока (1901-1973) начал карьеру министром культуры Тувинской Народной Республики (в 1930-1931 гг), затем стал первым Секретарем Тувинской Коммунистической партии Советского Союза (в 1944-1973 гг.). Он был также членом Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза в 1971-1973 годах. Помимо этого Тока был еще и популярным писателем. Первая часть его автобиографического романа “Аратын созу” (Слово арата) была переведена на английский язык в 1958 году. Среди множества наград, удостоенных

им, был орден “Герой Социалистического Труда” - самая высокая награда, которая была в СССР. Памятник в честь него воздвигнут в центре Кызыла (фото 40).

Оюн Дагба (1904-1936) начинал как главный лидер Союза профсоюзов, затем он проявил себя как успешный менеджер золотых приисков в Каа-Хемском кожууне. В 1936 году Дагба трагически погиб.

Оюн Чанчык-оол (псевдоним Киров) (1907-1977) стал заместителем Председателя Тувинценоккоа. В 1936 г. он был арестован по ложному обвинению и отсидел в заключении восемь лет. В 1959 г. Кирова полностью реабилитировали.

Татьяна Седип (псевдоним Камова) (1908-1988) была главой женской секции Центрального комитета ТНРП; членом Политбюро ТНРП и членом Центрального комитета Тувинской молодежной революционной лиги. Позже она работала председателем колхоза. В 1934-1936 годах, когда ее супруг был послом в Москве, она работала его секретарем. В 1938 году супруг Камовой был арестован, а впоследствии казнен как контрреволюционер. Камову после этого отправили работать чернорабочей в колхоз “Советская Тува” в Каа-Хемский кожуун.

В момент знакомства с Менхен-Хельфеном все эти люди были всего лишь молодыми специалистами, которым партия и правительство поручило ответственное дело – сопровождать иностранного гостя. Настоящая их активная жизнь началась позже. Многие из них вернулись в Туву не только с советскими дипломами, но и с советскими женами. Например, Салчак Тока, Оюн Чанчык-оол и Седип-оол Танов женились на русских девушках еще будучи студентами в Москве (Архив ВПРФ, ф.153, оп.6, папка 2, д.2, л.16).

Выпускниками КУТВа были также такие политические деятели Тувы, как С.Т.Чымба (Председатель Совмина ТНР), Х.Базыр-Сат (секретарь ЦК ТНРП по пропаганде и агитации), О.Тадар-оол (министр животноводства и земледелия ТНР), Н.Ч.Товарищтай (министр внутренних дел ТНР), М. Маады (секретарь ЦК Тувинского революционного союза молодежи) и другие (Харунова 2003:89).

Однако, оказавшись непосредственно в Туве, Менхен-Хельфен попадает под опеку других людей. Кто-то помогал ему в качестве переводчика (например, Шура Ряхлов), кто-то обеспечивал его транспортом, кто-то сопровождал в пути и т.д. С некоторыми из них у него сложились довольно теплые отношения. Одним из них был начальник Управления государственного военно-политического отдела (УГВПО) Церен Нацов. Менхен-Хельфен характеризует его весьма конкретно: «он был очень хитер, большой любитель фотографии, любил много говорить,

но говорил непонятно... но свою отвратительную службу он исполнял прямо-таки с увлечением». Менхен-Хельфен также пишет: «Несмотря на русскую фамилию, он (Нацов – М.М.) бурят, принадлежит к той ветке монголов, которые живут в русской области, восточнее Байкала. Как царская Россия в Центральной Азии вербовала в шпионы и тайные агенты своих бурятских подданных, так как они, будучи монголами и буддистами, имели доступ в неприступный Тибет, так и теперь в этих областях буряты являются политическим орудием русской мощи. Ц.Нацов (настоящая фамилия Шойжелов – М.М.) смахивал тогда на монгольского Зиновьева: такой же жирный, такое же одутловатое лицо, такие же всклокоченные волосы, просящие ножниц... Я с ним был в прекрасных отношениях, он мне во многом помог, а когда мой взор падает на прекрасный шаманский барабан, который он мне достал, то вспоминаю его с благодарностью и с удовольствием» (Менхен-Хельфен 1931:52-53).

Весьма тепло Менхен-Хельфен отзывается о министре внутренних дел Тувинской Народной Республики Сат Шыырапе, с которым познакомился на реке Хондергей, где у того находилась летняя резиденция. Он с восторгом отмечает, что юрта министра была самой чистой и опрятной из тех, что он видел. Он с удовольствием принимал угощения от хозяина, в то время как в других юртах с отвращением пил молоко даже из своего собственного стакана, «из которого надо прибавить хозяйка ради приличия только что вылавливала рукою мух» (Менхен-Хельфен 1931:83, 97. 106).

Из информантов особое впечатление на иностранного гостя произвел некий Сандык Сюрюн, которого он считает одним из умнейших тувинцев и которого ласково называет «мой дорогой Сандык». «Это 20-летний, веселый, быстро соображающий молодой человек, - пишет он, - бывший монастырский ученик, а теперь ученик партшколы в Кызыл-хото; он говорит по-монгольски, научился у лам тибетскому языку, большой патриот, ненавидит китайцев, знает все хошуны и он в одну эту ночь рассказал мне больше о своем народе, чем я записал до сих пор за свое пребывание в Туве» (Менхен-Хельфен 1931:94).

Менхен-Хельфену в поездке везло; его постоянно окружали люди, которые заботились о том, чтобы ему в Туве было максимально комфортно и безопасно. Он общался с представителями тувинской элиты, или, как бы сейчас сказали, со сливками общества.

В связи с этим следует обратить внимание на следующий факт. Особенностью того времени было то, что те тувинцы, которые делали себе блестящую карьеру, обычно делали ее только в пределах Тувы. В плане профессиональной и творческой самореализации практически

никому тогда не удавалось выйти за рамки своей территории. Причина тому – географическая отдаленность и изолированность Тувы от остального мира, позднее присоединение республики к Советскому Союзу и т.д.

Вхождение Тувы в состав СССР сыграло решающую роль в расширении возможностей и раскрытию творческого потенциала тувинского народа. В советский период появились новые имена, которыми гордился народ. Это были народный артист СССР Максим Мунзук, сыгравший главную роль в фильме знаменитого японского режиссера Акиры Курасава «Дерсу Узала», получившего в 1976 г. «Оскар» - высшую премию американской киноакадемии (фото 38, 39); народный артист СССР Владимир Оскал-оол, основатель тувинской цирковой династии в Москве; художница Надя Рушева, к сожалению, очень рано ушедшая из жизни, но графические работы которой до сих пор экспонируются в самых престижных галереях мира (фото 43); заслуженная артистка РСФСР Надежда Красная, одна из лучших исполнительниц тувинских народных песен и русских романсов в Большом театре; маршал Юмжагийн Цеденбал, крупный государственный деятель Монголии, который по происхождению был тувинцем (фото 42).

В постсоветский период широкую известность получили Сергей Шойгу, Герой России, генерал армии и министр по чрезвычайным ситуациям Российской Федерации (фото 41); Монгуш Кенин-Лопсан, крупный исследователь тувинского шаманизма, которому Гильдия университетов США и Латинской Америки присвоила почетный международный титул «Живое сокровище шаманизма» за выдающийся вклад в сохранение традиционной тувинской культуры; певица Саинхо Намчылак, сделавшая себе международную карьеру как исполнительница в стилях world music и free jazz singer (фото 44); спортсмены международного уровня Аяс Монгуш (чемпион Европы по японской борьбе сумо), Елена Достай (чемпионка мира по стрельбе из лука), Лариса Ооржак (двукратная чемпионка Европы по женской борьбе и участница Олимпийских игр 2004 года); монгольский писатель тувинского происхождения Чинагийн Галсан, лауреат премий Адельберта фон Шамисо (1992), Хаймито фон Додерера (2001) – высших наград Германии в области литературы, автор стихов и романов, переведенных на английский, французский, итальянский, нидерландский, японский языки (фото 45).

2. Город из двух улиц

При въезде в Кызыл Менхен-Хельфен впервые увидел небольшую